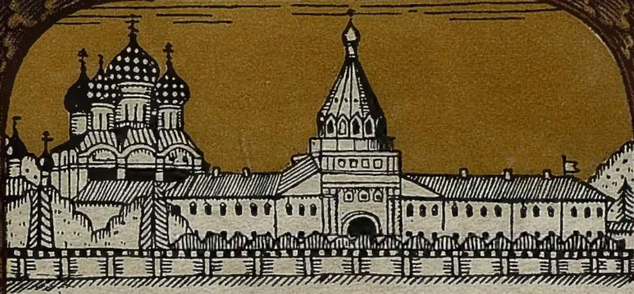
161 1913

Первый царь изъ дома Романовыхъ

Ипатьевскій монастырь

Изданіе Московскаго Учебнаго Округа

подъ редакціей С. И. Гинтовта

составилъ В. В. Арандаренко

Б. Зворыкинъ 913.

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ

ИЗЪ

ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Составилъ В. В. АРАНДАРЕНКО.

Изданіе Московскаго Учебнаго Округа
подъ редакціей
С. И. ГИНТОВТА.

Для средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913.

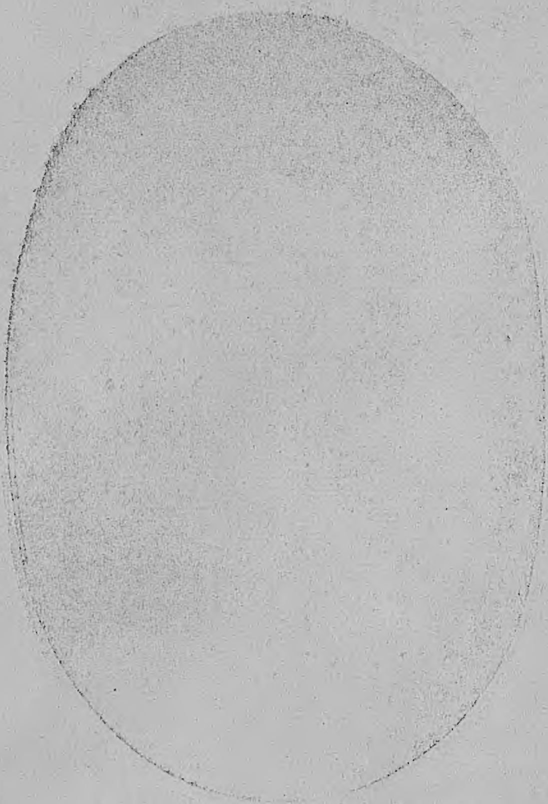
1613—1913

**Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ,
всея великія Россіи самодержецъ.**

Его Императорское Величество
Государь Императоръ Николай II
Самодержецъ Всероссійскій.

ГЛАВА I.

12 іюля 1596 года, въ двѣнадцатый годъ царствованія Ѳедора Іоанновича, въ день мучениковъ Прокла и Ираклія, въ домѣ боярина Ѳедора Никитича Романова, что на Варварской горѣ, царило необычное оживленіе.

У Ксеніи Ивановны, супруги Ѳедора Никитича, родился сынъ. Это былъ пятый ребенокъ. Старшія дѣти были болѣзненны, и уже двухъ изъ нихъ въ младенческомъ возрастѣ похитила смерть. Въ послѣднее время долго простаивала Ксенія Ивановна передъ своимъ „моленіемъ", — иконою Знаменія Пресвятой Богородицы, прося Бога даровать ей здороваго ребенка. И теперь новорожденный особенно радовалъ ея материнское сердце.

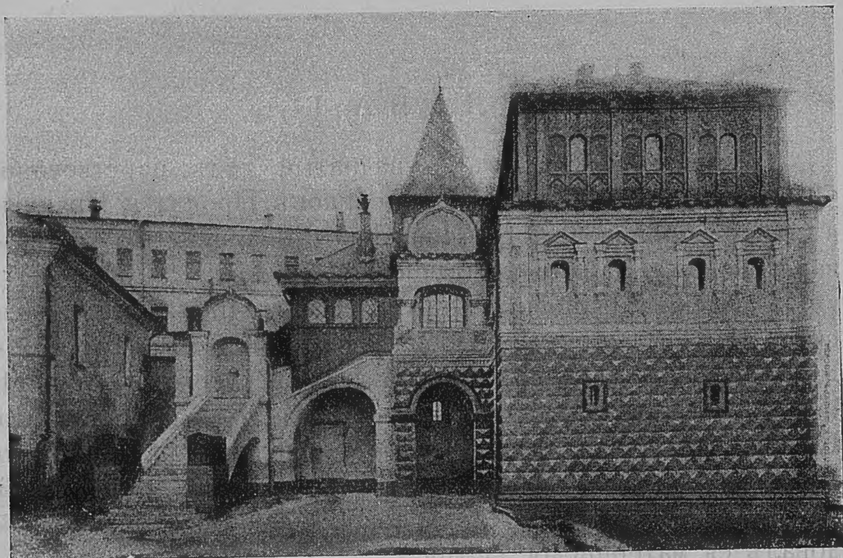
Соблюдая обычай, Ѳедоръ Никитичъ тотчасъ же послалъ съ вѣстью къ своимъ братьямъ и родственникамъ, и уже къ началу молебна собралась многочисленная родня бояръ Романовыхъ.

Черезъ два дня Ѳедоръ Никитичъ давалъ большой родинный столъ въ честь младенца, нареченнаго Михаиломъ. Въ крестовой палатѣ были разставлены деревянные столы съ „росписными подзорами и ногами", покрытые парчевыми скатертями и уставленные различными сластями, среди которыхъ преобладали всевозможные „овощи" въ патокѣ.

На расписанныхъ „зеленымъ аспидомъ" поставцахъ стояли дорогіе сосуды, наполненные дорогими винами боярскихъ погребовъ. Тутъ было и красное вино „романея" и бѣлое „ренское"; тутъ былъ и „бастръ", были и различные меды.

На особомъ кругломъ столѣ, покрытомъ дорогою скатертью, лежали царскіе дары, пожалованные боярину по поводу его семейной радости; тутъ же стоялъ присланный патріархомъ „для рожденія сына его" — образъ Пречистыя Богородицы „Взыграніе Младенца".

Самъ Ѳедоръ Никитичъ потчивалъ гостей изъ своихъ рукъ, подносяя кубки каждаго сорта вина, а затѣмъ слуги обносили большія блюда „англинскаго олова", переполнен-

Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

ныя всевозможными „заѣдками"—различными „коврижками", и въ ковшахъ разносили „взваръ".

Не забылъ Ѳедоръ Никитичъ и убогихъ людей. По его приказу, „у мужика" на рынкѣ были куплены двое малыхъ салазокъ горячихъ саекъ, которыя и раздавались боярскими слугами бѣднымъ.

Радость и веселіе царили въ домѣ Романова.

* * *

Романовы происходили изъ стариннаго заслуженнаго боярскаго рода. Предки ихъ служили уже первымъ Московскимъ князьямъ и пользовались ихъ особымъ довѣріемъ.

Еще Василій Дмитріевичъ приближаетъ къ себѣ воеводу Ѳедора Кошку, а затѣмъ дѣлаетъ казначеемъ его сына Ивана и „не выступаетъ изъ его слова и думы“. Сынъ Ивана Ѳедоровича подписывается на второмъ мѣстѣ подъ завѣщаніемъ Василія Темнаго и участвуетъ въ покореніи Вятки. При Іоаннѣ III, когда московскіе старинные бояре оттѣсняются отъ велико-княжескаго престола другими пришлыми княжескими родами, Кошкины продолжаютъ занимать первенствующее положеніе. Сынъ Захарія Ивановича — Яковъ Захарьичъ, начальствуя надъ московскими войсками, завоевываетъ у литовскаго князя Александра Мценскъ, Серпейскъ, Брянскъ и Путивль и принимаетъ личное участіе въ сватовствѣ этого князя къ дочери Іоанна III. Братъ его Юрій Захарьевичъ покрываетъ себя славою Ведрошской битвы на Митьковомъ полѣ, въ которой русскіе полонили князя Константина Острожскаго. Сынъ Юрія и племянникъ Якова Захарьича, Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ, пользуется особымъ приближеніемъ при Василіи III. Съ его помощью великій князь приподнимается съ постели и пріобщается передъ смертью Святыхъ Тайнъ. Захарьиныхъ называлъ Василій III „своими извѣчными боярами“, ихъ просилъ, умирая, „крѣпко стоять, чтобы сынъ его на государствѣ учинился государемъ, чтобы была въ Землѣ правда“.

Тѣмъ же уваженіемъ великаго князя пользовался другой Юрьевичъ—стольникъ Романъ Юрьевичъ Захарьинъ, что и оказало значительное вліяніе на выборъ Іоанномъ IV себѣ въ жены его дочери Анастасіи. Съ этого времени еще болѣе увеличилось значеніе Захарьиныхъ. Братъ Анастасіи Никита Романовичъ пользовался особымъ царскимъ довѣріемъ, являясь въ то же время выдающимся государственнымъ дѣятелемъ и поборникомъ земской правды. Народная пѣснь сохранила о немъ благодарное воспоминаніе. Ему съ другими приближенными боярами поручилъ передъ смертью Грозный царь своихъ дѣтей, и до послѣднихъ дней Никита Романовичъ сохранилъ главное вліяніе на государственное управленіе.

Породнившись брачными узами съ знатнѣйшими московскими семьями Мстиславскихъ, Головиныхъ, Морозовыхъ, Никита оставилъ послѣ себя семерыхъ сыновей и пять

дочерей, блюсти которыхъ передъ смертью завѣщалъ царскому шурину Борису Годунову.

Въ началѣ дѣйствительно между Годуновымъ и Никитичами господствовало полное согласіе. Молодые Романовы быстро подвигались по дорогѣ почестей, и ко времени рожденія Михаила старшій изъ нихъ Ѳеодоръ Никитичъ имѣлъ званіе боярина, второй братъ — крайчаго, а остальные братья—стольниковъ.

Но за послѣднее время отношенія Годунова съ Романовыми рѣзко измѣнились, и Ѳеодору Никитичу казалось, что Борисъ сталъ тяготиться „завѣщательнымъ союзомъ дружбы" съ Никитичами. И теперь среди всеобщаго веселія въ душѣ Ѳеодора Никитича подымались тягостныя предчувствія возможныхъ бѣдъ.

ГЛАВА II.

Послѣдній представитель старой династіи Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ „Освятованный царь". Избывая мірской суеты и докуки, онъ всецѣло былъ погруженъ въ свою личную духовную жизнь, больше помышляя о подвижничествѣ, чѣмъ о государствѣ, унаслѣдованномъ имъ по смерти Іоанна IV.

Ему былъ необходимъ человѣкъ, который, пользуясь его неограниченнымъ довѣріемъ, освободилъ бы его отъ необходимости повседневно разбираться во всѣхъ мелочахъ годарственнаго управленія и предоставилъ бы полную свободу личной жизни. Такимъ человѣкомъ и былъ въ началѣ родной дядя его по матери — Никита Романовичъ Юрьевъ, а по его смерти—шуринъ Борисъ Годуновъ. Это былъ умный, талантливый правитель, поражавшій своею даровитостью всѣхъ современниковъ. „Никто бѣ ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ въ благолѣпіи лица и въ разсужденіи ума". Но Борисъ принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ людей, которые и привлекали къ себѣ и въ то же время отталкивали отъ себя: привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чувствуемыми недостатками сердца и совѣсти.

Борисъ упорно пробирался къ власти. Понятно, что все, что мѣшало и угрожало ему въ этомъ стремленіи, вызывало упорную и жестокую борьбу. А на пути стояли старинные

бояре, съ крѣпкими мѣстническими счетами, которымъ было невмѣстно сидѣть съ Годуновыми и въ особенности не улыбалось быть подъ ними. Понятно, что Борисъ, только съ этой стороны предвидя сопротивленіе, старался по возможности имѣть ихъ всѣхъ на глазахъ, быть освѣдомленнымъ

Патріархъ Филаретъ.

даже въ мелочахъ ихъ домашней жизни. Въ такомъ напряженномъ состояніи протекала жизнь всѣхъ боярскихъ родовъ, несочувствовавшихъ Годунову. Къ тревогамъ послѣдняго времени въ семьѣ старшаго представителя Романовыхъ—Ѳедора Никитича присоединялись еще семейныя горести: не стало двухъ его сыновей—Льва и Ивана.

Единственною отрадою въ семьѣ Ѳедора Никитича былъ краснощекій, полненькій мальчикъ Михаилъ, которому шелъ уже 4-й годъ. Онъ одинъ въ семьѣ не признавалъ никакихъ ограниченій своихъ желаній, не считался ни съ какими горестями, и звонкій дѣтскій смѣхъ его наполнялъ чинныя боярскія хоромы. Для него Ѳедоръ Никитичъ устроилъ качель, обшитую сукномъ, „багрецомъ червчатымъ"; для прыганья и катанья по полу былъ устроенъ „мендерь"— небольшой тюфячокъ. Мать — Ксенія Ивановна то и дѣло была озабочена приготовленіемъ ему „куколъ потѣшныхъ" изъ разныхъ „отласовъ и камокъ разныхъ цвѣтовъ". Михаилъ былъ баловнемъ не только своей семьи: его любила и вся родня Романовыхъ, и зачастую онъ получалъ въ видѣ подарковъ или всевозможные лоскуты и хвостики бобровые, для вящшаго украшенія куколъ, или различныя заграничныя сласти, какъ изюмъ, черносливъ, ядра миндальныя и т. п.

Только одинъ Миша имѣлъ во всякое время доступъ въ комнату (кабинетъ) Ѳедора Никитича и только онъ да маленькая сестра его умѣли вызвать улыбку на строгомъ красивомъ лицѣ боярина. При видѣ любимыхъ дѣтей тѣ мысли, которыя за послѣднее время особенно часто омрачали старшаго Никитича, отодвигались на задній планъ и теряли свою остроту. Но когда Ѳедоръ Никитичъ оставался одинъ, тяжелыя мысли овладѣвали имъ снова, и еще безпокойнѣе становилось на сердцѣ. Онъ, какъ старшій изъ Романовыхъ, долженъ былъ заботиться не только о себѣ и своей семьѣ, но и о своихъ братьяхъ, о чести своего рода. Съ тѣхъ поръ какъ Борисъ Годуновъ принялъ царскій вѣнецъ, подозрительное отношеніе его къ боярамъ еще болѣе усилилось. Съ трудомъ доставшаяся власть требовала постояннаго обереганія. Чтобы обезопасить себя отъ всевозможныхъ наговоровъ, волхвованій „на слѣдъ" и даже враждебныхъ мыслей, Годуновъ обязалъ всѣхъ особою молитвою за здравіе царя.

Эта необходимость подымать заздравный кубокъ, бояться доносовъ своихъ холоповъ, которыхъ щедро награждалъ Годуновъ, дѣлала невыносимымъ существованіе многихъ боярскихъ родовъ, и Борисъ чувствовалъ, что вокругъ него росла и сплачивалась боярская оппозиція. Во главѣ этой оппозиціи стояли знатнѣйшіе представители боярства: Рюриковичъ кн. Шуйскій и представитель знаменитаго Патрикѣева

рода кн. Василій Васильевичъ Голицынъ; къ нимъ примыкали Мстиславскій, Татевъ, Лыковъ и др. Понятно, что при такихъ условіяхъ вполнѣ достаточно было какого-нибудь ничтожнаго доноса, чтобы разгоряченная подозрительная мысль внушила серьезный страхъ предъ мнимой опасностью.

Уединенная, скромная жизнь и достоинство, съ которымъ Романовы держали себя среди этихъ интригъ, еще болѣе увеличивали ихъ популярность среди московскаго купечества и другихъ посадскихъ людей. И эта-то популярность пугала Бориса. Его клевреты не разъ доносили ему о рѣчахъ, слышанныхъ на посадѣ, будто „Царица Ирина упрашивала мужа (Ѳедора Іоанновича) вручить скипетръ брату ея Годунову; но Царь предложилъ скипетръ Ѳедору Никитичу Романову, имѣвшему на престолъ ближайшее право; будто Ѳедоръ Никитичъ уступалъ скипетръ брату своему Александру, Александръ—третьему брату Ивану, Иванъ—Михаилу, Михаилъ—какому-то знатному князю, такъ что никто не бралъ въ руки скипетра. Царь, долго передавая скипетръ изъ рукъ въ руки, потерялъ терпѣніе и сказалъ: „такъ возьми же его, кто хочетъ“. Тутъ сквозь толпу протѣснился Борисъ Годуновъ и схватилъ скипетръ“. И хотя тщательные розыски обнаруживали полную непричастность Романовыхъ къ распространенію этихъ слуховъ, все же они указывали, что въ общественномъ мнѣніи посадскихъ людей Романовы имѣли ближайшее право на престолъ послѣ смерти Царя Ѳедора. Ѳедоръ Никитичъ зналъ, что Борисъ уже издавна по отношенію къ нему „носилъ язвы въ душѣ лукавыя“, и малѣйшаго повода могло быть достаточно, чтобы надъ домомъ Никитичей разразилось несчастіе. То, чего опасался Ѳедоръ Никитичъ, и произошло въ концѣ 1600 года.

Холопъ Бартеневъ донесъ, что у его господина Александра Никитича Романова припасено отравное зелье. Въ тотъ же день Царь послалъ окольничаго Салтыкова обыскать дворъ Александра Никитича въ Бѣломъ Городѣ на Знаменкѣ, и найденные имъ мѣшки съ кореньями, по повелѣнію Государя, были доставлены на Патріаршій дворъ. Туда же, по повелѣнію Государя, были созваны бояре, и приведены Романовы. Тогда при нихъ, по освященіи святою водою, были высыпаны коренья, и Бартеневъ подтвер-

дилъ свой доносъ, указавъ еще, что слышалъ отъ холопа Өедора Никитича Томилки Бирилева, что жена Өедора Никитича, боярыня Ксенія Ивановна, совѣтовалась съ своими деверьями Иваномъ и Александромъ и другими родственниками, какъ бы кореньемъ и вѣдовствомъ извести Царя и его семью. Послѣ пристрастнаго допроса Романовыхъ повели черезъ Ивановскую площадь, наполненную народомъ, въ Спасскія ворота, по Варваркѣ, мимо ихъ боярскаго дома, къ Варварскимъ воротамъ, гдѣ находилась особая боярская тюрьма, гдѣ и разсадили отдѣльно другъ отъ друга. Въ тотъ же день были разставлены стрѣльцы по дворамъ Романовыхъ и ихъ родственниковъ. Первые дни всѣ старанія слѣдователей были направлены на челядь Романовыхъ, особенно Өедора и Александра Никитичей, но холопы стойко выдерживали страданія, отвергая поклепы, возводимые на ихъ господъ. Многіе изъ нихъ не выдерживали страшныхъ мукъ „и помираху", „но были тверди и государей своихъ не оклеветаху".

Наконецъ рѣшено было прибѣгнуть къ крайнему средству: Никитичи были приведены для допроса въ Константиновскую пыточную башню и поставлены у дыбы. Тутъ подъ страхомъ ужасныхъ мукъ, сняли съ нихъ послѣдній допросъ и затѣмъ оставили ихъ тутъ же въ тюрьмѣ, устроенной въ самой стѣнѣ Кремля около Константиновскихъ воротъ. Наконецъ, участь Романовыхъ и близкихъ къ нимъ лицъ была рѣшена приговоромъ Боярской Думы, утвержденнымъ самимъ Борисомъ. Въ 1601 году 1 іюля дьяки Казанскаго Дворца Өөонасей Власьевъ да Нечай Өедоровъ получили слѣдующую память: „Лѣта 7109 іюля 1 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Феодоровича всея Русіи указу, память діакамъ Өөонасью Власьеву да Нечаю Өедорову. По боярскому приговору велѣно старца Филарета Романова послать къ Живоначальной Троицѣ въ Сійскій Монастырь съ Богданомъ съ Борисовичемъ съ Воейковымъ, и дьякомъ Өөонасью Власьеву де Нечаю Өедорову старца Филарета сослать съ Воейковымъ въ Сійскій монастырь на житье. Діакъ Елизарій Вылузгинъ". Такія же памяти были получены упомянутыми дьяками Казанскаго Дворца и относительно ссылки другихъ братьевъ Романовыхъ. Изъ этихъ „памятей" мы узнаемъ, что и супруга Өе-

дора Никитича, постриженная въ монахини подъ именемъ Мареы, была сослана въ Егорьевскій Заонежскій погостъ; съ дѣтьми своими она была разлучена.

Инокиня Мареа.

Тягость ссылки, страшныя физическія лишенія, душевныя муки заключенныхъ и ненужно жестокое обращеніе съ ними губительно отразились на Романовыхъ. Трое изъ Никитичей сошли преждевременно въ могилу.

По убѣжденію современниковъ, Романовы пострадали невинно. „Сихъ ради Никитичевъ изліяніе гнѣва быстрое бысть отъ Бога".

ГЛАВА III.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій упорно стали распространяться слухи о спасеніи царевича Димитрія. Годуновъ

же все болѣе и болѣе терялъ любовь народа. Въ напряженной борьбѣ съ этими слухами Борисъ истощилъ всѣ свои нравственныя и физическія силы. Смерть его погубила и его семью. Теперь не было уже колебанія въ признаніи Лжедмитрія; и 20 іюня 1605 года онъ торжественно вступилъ въ Москву.

Войдя въ Архангельскій соборъ, онъ съ горькими слезами палъ передъ гробомъ Іоанна и жаловался на свое сиротство. Тотчасъ возвратилъ онъ изъ ссылки своихъ мнимыхъ родственниковъ, среди которыхъ были и Романовы. Старецъ Филаретъ Никитичъ былъ пожалованъ саномъ Ростовскаго митрополита; Иванъ Никитичъ, возвращенный еще при Годуновѣ, былъ возведенъ въ бояре. Была возвращена и старица Мароа Ивановна и, получивъ своихъ дѣтей, проживала съ ними въ костромскихъ своихъ имѣніяхъ то въ Ростовѣ, то въ старомъ боярскомъ домѣ въ Москвѣ.

Только 11 мѣсяцевъ пробылъ на царствѣ Лжедмитрій. Боярскій заговоръ низвергъ его 17 мая 1606 года, и на третій день возведенъ былъ на престолъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. „Боярскій царь" сразу же сталъ принимать мѣры къ укрѣпленію своей власти. Смѣнивъ патріарха Игнатія, сторонника Лжедмитрія, онъ задумалъ было возвести въ патріаршій санъ чтимаго всѣми Ростовскаго митрополита Филарета; но затѣмъ, боясь слишкомъ большой его популярности и толковъ о правахъ Романовыхъ на царскій престолъ, Шуйскій остановилъ свой выборъ на великомъ ревнителѣ христіанства—Казанскомъ митрополитѣ Гермогенѣ. Филарету же было поручено перенесеніе мощей святого царевича Димитрія изъ Углича въ Москву. Но эти мѣры успокаивали только Москву, а на окраинахъ продолжали ходить всевозможные слухи, изъ которыхъ наиболѣе распространеннымъ былъ слухъ о новомъ спасеніи Димитрія. Сѣверская Украйна открыто отказалась признать царемъ Шуйскаго, и лѣтомъ 1606 года возстаніе охватило всю южную пограничную полосу. Центромъ возстанія сталъ городъ Путивль, а главою—Иванъ Болотниковъ. Самъ холопъ по происхожденію, Болотниковъ призывалъ чернь къ погрому зажиточныхъ классовъ и угрожалъ Московскому государству жестокой внутренней междоусобной рѣзней. Но этотъ призывъ, подымавшій чернь, оттолкнулъ отъ Болот-

никова поднявшихся съ нимъ провинціальныхъ дворянъ, и, покинутый ими, онъ былъ вскорѣ захваченъ царскимъ войскомъ въ Тулѣ, вмѣстѣ съ другимъ казацкимъ самозванцемъ Лжепетромъ.

Остальные царскіе отряды преслѣдовали мятежныя шайки въ другихъ мѣстахъ, и обширный край обезлюдѣлъ и разорился, испытавъ на себѣ двойное опустошеніе.

Покончивъ съ Болотниковымъ, Шуйскій распустилъ свои войска; но бунтъ на самомъ дѣлѣ только начинался. Уже во время осады Тулы въ Стародубѣ-Сѣверскомъ появился новый Лжедмитрій. Собравъ вокругъ себя толпы мятежныхъ людей, остатки полчищъ Болотникова, а также большіе отряды польскихъ авантюристовъ, самозванецъ въ началѣ іюня 1608 года подошелъ къ Москвѣ и укрѣпился въ селѣ Тушинѣ, въ 12 верстахъ къ западу отъ Москвы. Его войско, простиравшееся до ста тысячъ человѣкъ, обложило столицу, а отдѣльные отряды заполонили сѣверную половину государства. Но населеніе сѣверныхъ городовъ съ неудовольствіемъ принимало тушинцевъ, чинившихъ въ захваченныхъ ими областяхъ только грабежи и насилія. Здѣсь началось народное движеніе противъ самозванца. Сѣверные города стали пересылаться грамотами, призывая другъ друга къ сопротивленію Тушинскому вору. Героизмъ защитниковъ Троице-Сергіевской обители послужилъ яркимъ примѣромъ для другихъ городовъ. Въ Ростовѣ при приближеніи тушинцевъ, митрополитъ Филаретъ вошелъ въ соборную церковь и, облачившись въ архіерейскія одежды, приказалъ протопопамъ и священникамъ причащать собравшійся народъ и приготовить къ достойной смерти. Когда тушинцы, ворвавшись въ городъ, ринулись къ собору, митрополитъ приказалъ отворить двери и встрѣтилъ ихъ горячимъ призывомъ оставаться вѣрными данной присягѣ. Но толпа сорвала съ митрополита святительскія одежды и увезла его въ Тушино.

Между тѣмъ Шуйскій, потерявшій надежду справиться съ Тушинскимъ воромъ собственными силами, обратился за помощью къ шведамъ. Карлу IX былъ уступленъ городъ Корела и заключенъ былъ съ нимъ оборонительный союзъ противъ Польши.

Весной 1609 года шведскій отрядъ подъ предводитель-

ствомъ молодого генерала Делагарди пришелъ на соединеніе съ нашимъ даровитымъ полководцемъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Отсюда началось побѣдоносное шествіе Скопина. Вся крестьянская сѣверная Русь поднялась навстрѣчу своему герою и двинулась на защиту родины отъ поруганія и засилія польско-литовскихъ людей и казачества. Попытки тушинскихъ воеводъ подъ Старой Русой, Торжкомъ, Тверью и Калязинымъ монастыремъ задержать наступленіе освободительнаго ополченія окончились неудачей. Въ началѣ 1610 года Скопинъ-Шуйскій освобождаетъ отъ поляковъ обитель преподобнаго Сергія и очищаетъ ближайшія къ Москвѣ мѣстности.

Въ это время большая часть поляковъ, призванная подъ Смоленскъ Сигизмундомъ, покинула самозванца. Самъ самозванецъ бѣжалъ изъ Тушина въ Калугу, и Тушинскій лагерь распался. Москва освободилась отъ долгой осады.

Но русскіе тушинцы съ Михаиломъ Салтыковымъ во главѣ ни за что не хотѣли примириться съ царемъ Василіемъ Шуйскимъ и отправили къ королю Сигизмунду пословъ просить на царство его сына королевича Владислава.

Условіями избранія были выставлены требованія гарантіи неприкосновенности православной вѣры, принятія ея Владиславомъ и другіе пункты, ограничивавшіе самодержавную власть государя и ограждавшіе личныя права и преимущества боярства. 4 февраля 1610 года эти условія были приняты польскимъ королемъ подъ Смоленскомъ.

Несмотря на эти переговоры, Москва, радостно встрѣтившая 12 марта своего избавителя, готовилась итти на освобожденіе Смоленска. Но въ самый разгаръ приготовленій Скопинъ-Шуйскій неожиданно скончался. Въ этой смерти Москва обвинила жену царскаго брата Димитрія Шуйскаго. Народъ волновался, и волненіе особенно усилилось, когда тотъ же Димитрій Шуйскій тайкомъ вернулся въ Москву, потерпѣвъ страшное пораженіе при селѣ Клушинѣ.

Москва очутилась въ безвыходномъ положеніи. Со стороны Можайска надвигался польскій гетманъ Жолкѣвскій; въ Коломенскомъ уже стояли полчища тушинцевъ. 17 іюля 1610 года Василій былъ свергнутъ съ престола. Москва распалась на два враждебныхъ лагеря. Подъ ея стѣнами

стояли два вражескихъ войска, и каждое старалось навязать своего кандидата на царство. Чернь, подстрекаемая подметными грамотами самозванца, съ нетерпѣніемъ ожидала его вступленія, чтобы предаться буйству и грабежу. Опасаясь ужасной рѣзни, бояре, не колеблясь, приняли сторону Владислава. Напрасно патріархъ Гермогенъ убѣждалъ бояръ избрать въ цари кого-либо изъ своей среды и указывалъ на юнаго Михаила Ѳедоровича Романова, пребывавшаго все это время въ Москвѣ; бояре вступили въ переговоры съ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ и 27 августа принесли на Дѣвичьемъ поле присягу королевичу Владиславу. Въ ночь на 21-е сентября бояре тайкомъ впустили въ Москву польское войско. Самозванецъ опять бѣжалъ въ Калугу, и Москва оказалась въ рукахъ поляковъ. Жолкѣвскій сдѣлался комендантомъ города и распоряжался и царской казной, и назначеніемъ на должности, и царскимъ стрѣлецкимъ войскомъ.

„Семибоярщина" существовала только по имени.

По настоянію Жолкѣвскаго къ Сигизмунду подъ Смоленскъ было отправлено великое посольство, во главѣ котораго были поставлены самыя опасныя для поляковъ и самыя вліятельныя въ Москвѣ лица: Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Но московскихъ пословъ ожидало горькое разочарованіе въ дружественныхъ намѣреніяхъ Сигизмунда. Уже первые переговоры показали, что поляки стремятся воспользоваться тяжелымъ положеніемъ Московскаго государства и обогатиться на его счетъ. Король потребовалъ немедленной сдачи Смоленска. Но тутъ послы оказались на должной высотѣ и твердо настаивали на условіяхъ договора, заключеннаго Жолкѣвскимъ отъ имени короля и войска. Особенно примѣръ твердости подавалъ митрополитъ Филаретъ, безъ согласія котораго отказывались вести дѣло остальные члены посольства. Становилось яснымъ, что Сигизмундъ не отпуститъ своего сына и что по замыслу поляковъ Россія должна была перейти подъ власть Польши. Раньше всѣхъ это понялъ патріархъ Гермогенъ, и въ половинѣ декабря 1610 года раздался его голосъ, разрѣшавшій народъ отъ присяги Владиславу и призывавшій итти на освобожденіе Москвы.

На призывъ патріарха откликнулась Рязань съ Прокопіемъ Ляпуновымъ; поднялся Нижній; къ нему присоединились всѣ великіе сѣверные города, уже разъ выручившіе Москву отъ Тушинскаго вора. Къ новому ополченію присоединились и прежніе тушинцы: кн. Димитрій Трубецкой и казацкій атаманъ Иванъ Заруцкій.

Патріархъ Гермогенъ.

Быстро поднялось и грозною волною приближалось къ Москвѣ ополченіе. Встревоженные поляки вмѣстѣ съ приверженными имъ боярами требовали, чтобы патріархъ своею грамотою запретилъ ополченію подвигаться къ Москвѣ; Гермогенъ, напротивъ, благословлялъ во всеуслышаніе ополченіе. Тогда поляки разграбили патріаршій дворъ, а самого

Гермогена посадили въ заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ. Но первому ополченію не удалось выполнить своей задачи, такъ какъ начались раздоры между земскими людьми и казаками. Прокопій Ляпуновъ былъ убитъ. Наступили снова тяжелыя времена.

ГЛАВА IV.

Только съ образованіемъ второго земскаго ополченія и съ вступленіемъ его въ Кремль было положено начало спасенія Россіи. Необходимо было закрѣпить побѣду надъ врагами возстановленіемъ общепризнанной царской власти, которая своимъ авторитетомъ разъ навсегда покончила бы съ самозванцами. Только правильно, всею землею избранная власть могла вернуть государство къ правопорядку. Поэтому теперь, когда Москва освободилась отъ поляковъ, временное правительство, сорганизовавшееся въ Ярославлѣ, спѣшило приступить къ избранію Государя. Въ началѣ ноября 1612 года разосланы были по всѣмъ городамъ и уѣздамъ грамоты съ приглашеніемъ выслать въ Москву выборныхъ по десяти человѣкъ отъ города „для обиранія государскаго", которое должно было совершиться „всякими людьми отъ мала до велика".

Въ январѣ 1613 года стали прибывать въ Москву выборные отъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ мѣстъ Русской земли. Это былъ самый полный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ земскихъ соборовъ. Здѣсь были представители крестьянскаго населенія, а также низшихъ военнослужилыхъ людей и казаковъ. Общее число участниковъ собора доходило до 700 человѣкъ.

Съѣхавшись въ Москву, члены собора рѣшили прежде всего очистить и укрѣпить свою совѣсть трехдневнымъ постомъ. Всѣ эти дни служились молебны.

Прежде всего единогласно были отвергнуты всѣ иностранные претенденты, и рѣшено было избрать царя изъ русскихъ боярскихъ родовъ. Заранѣе можно было предвидѣть, что выборъ падетъ на Михаила, сына Филарета Никитича Романова. Никакой другой боярскій родъ въ Московскомъ государствѣ не пользовался болѣе заслуженною любовью и популярностью, чѣмъ родъ Романовыхъ. Въ народномъ

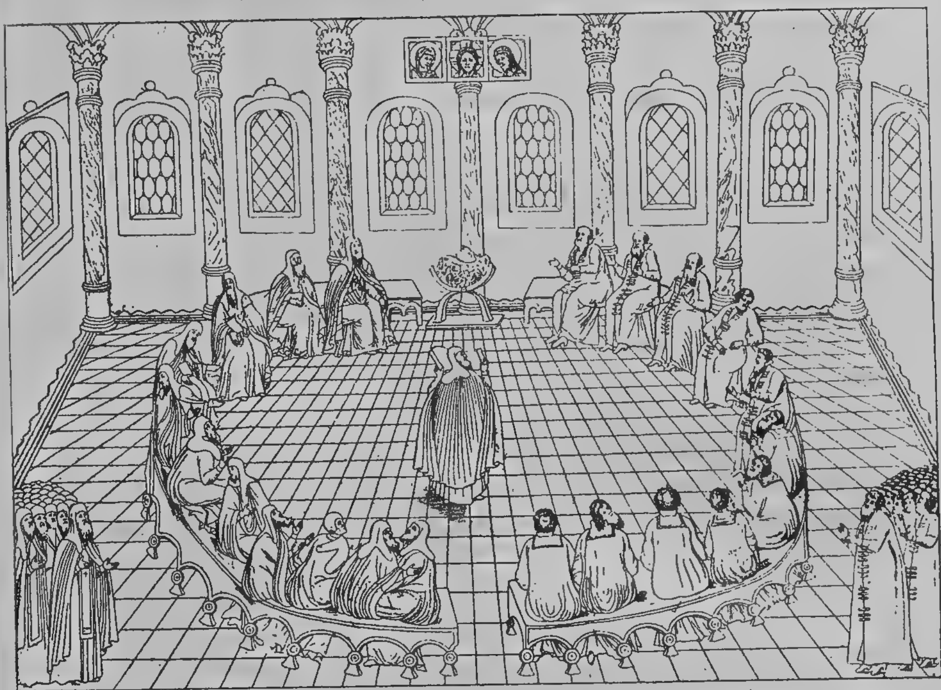
чувствѣ не изглаживалась память добродѣтельной Анастасіи; помнили любимаго въ свое время народомъ Никиту Романовича, заступника за мучениковъ Іоаннова гнѣва. Свѣжи были въ народномъ воспоминаніи страданія его дѣтей при Борисѣ, печальная кончина трехъ братьевъ Романовыхъ въ изгнаніи, заточеніе Филарета и инокини Мароы и бѣдствія, вынесенныя самимъ Михаиломъ. Дворяне выступили съ

Врученіе Авраамію Палицыну челобитной объ избраніи Михаила Романова.

письменнымъ извѣщеніемъ, что желаютъ имѣть царемъ Романова, а затѣмъ послѣдовало такое же заявленіе и отъ казаковъ. Толпа изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и казацкихъ атамановъ пришла въ Богоявленскій монастырь на Троиц

кое подворіе къ Авраамію Палицыну и поднесла ему челобитную объ избраніи Михаила Романова[1]). Авраамій Палицынъ, прочитавъ во всеуслышаніе грамоту, одобрилъ этотъ выборъ и представилъ ее освященному собору, боярамъ и всѣмъ земскимъ людямъ[2]). Такимъ образомъ, къ 7 февраля

Авраамій Палицынъ читаетъ собору поданное ему челобитіе.

[1]) Этотъ моментъ изображенъ на приложенномъ рисункѣ. Передъ нами высится зданіе Богоявленскаго монастыря, находившагося въ Кремлѣ, на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ. На первомъ планѣ святыя ворота монастырской ограды; за ними слѣва трехглавая соборная церковь, соединенная переходами съ теплою церковью во имя Преподобнаго Сергія. На заднемъ планѣ—монастырскія строенія, между которыми находилось подворье Троицкой Лавры; посреди монастырской ограды видны идущія отъ дворца ворота, а вправо—Троицкія ворота, ведущія на Каменный мостъ. Пройдя Троицкими воротами, выборные вступаютъ въ святыя ворота монастыря и передаютъ стоящему на паперти Авраамію Палицыну свитокъ, заключающій единогласное рѣшеніе пришедшихъ объ избраніи на престолъ Михаила Ѳедоровича.

[2]) Прилагаемый рисунокъ изображаетъ пріемную Патріаршей палаты въ Кремлѣ. Въ серединѣ подъ образами патріаршее мѣсто, остаю-

бурный въ началѣ соборъ окончился въ мирѣ, тишинѣ и единеніи: Михаилъ Ѳедоровичъ былъ предъизбранъ.

21 февраля 1613 года, въ воскресенье первой недѣли великаго поста, собравшись въ Успенскій соборъ на торжественную молитву, высшія духовныя лица, представители московскаго и земскаго Совѣта, равно какъ прочихъ чиновъ люди, единогласно избрали и нарекли Царемъ Михаила. Въ это время на Красной площади собралось почти все населеніе Москвы и войско. Чтобы извѣстить ихъ о состоявшемся избраніи и испросить согласія, на Лобное мѣсто взошли посланные соборомъ Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Авраамій Палицынъ, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ и другіе.

Прежде чѣмъ Ѳеодоритъ со свиткомъ въ рукахъ успѣлъ сказать слово, весь народъ закричалъ: „Михаилъ Ѳедоровичъ будетъ Царь-Государь Московскому Государству и всей русской державѣ!“ [1])

Послѣ избранія, въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ и на ектеніи провозгласили нованареченнаго Царя. Все населеніе присягнуло Михаилу Ѳедоровичу.

* * *

Въ началѣ марта 1613 года инокиня Марѳа Ивановна и Михаилъ Ѳедоровичъ прибыли въ Ипатьевскій монастырь

щееся не занятымъ со времени кончины Гермогена. На обѣ стороны въ два полукруга идутъ большія скамьи, которыя по правую руку отъ патріаршаго мѣста заняли члены освященнаго собора, а по лѣвую — бояре и весь синклитъ. Позади ихъ толпа народа, пришедшаго въ палату вмѣстѣ съ Аврааміемъ.

Троицкій келарь изображенъ читающимъ поданный ему свитокъ, рѣшеніе котораго было встрѣчено полнымъ одобреніемъ.

[1]) Этотъ моментъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. На первомъ планѣ Лобное мѣсто, окруженное множествомъ народа. Немного далѣе, влѣво, церковь Василія Блаженнаго; спускъ отъ церкви обдѣланъ камнемъ и подъ горою изображены торговыя лавки. Направо, за войскомъ, вдоль кремлевской стѣны рядъ деревянныхъ церквей. Ровъ съ водою около кремлевской стѣны извнѣ обнесенъ низкою оградой. Спасскій мостъ черезъ ровъ и Спасская башня съ часами и образомъ Спасителя занимаютъ середину рисунка. Подлѣ нея, слѣва, видна небольшая башенка съ всполошнымъ колоколомъ, которымъ созывался въ то время народъ на площадь.

изъ своего родового села Домнина и поселились здѣсь въ намѣстничьихъ кельяхъ. Послѣ того какъ стало извѣстно, что на засѣданіи Земскаго собора 7-го февраля былъ предъизбранъ на царство ея сынъ, Мароа Ивановна не знала ни минуты покоя. Ея рѣшительное письмо Ѳедору Ивановичу Шереметеву, въ которомъ она умоляла его употребить все

Всенародное избраніе Михаила Ѳеодоровича.

свое вліяніе, чтобы отклонить избраніе ея сына, прочитанное на соборѣ, произвело сильное впечатлѣніе, только не въ пользу ея просьбы. Выборные рѣшительно заявили: „Кончимъ рѣчи и признаемъ Царемъ Романова". Съ тѣхъ поръ опасеніе за участь своего единственнаго сына наполняли сердце матери, и ее терзали всевозможныя предчувствія. Въ такомъ тревожномъ настроеніи сидѣла она въ своемъ

помѣщеніи вечеромъ 13-го марта. Живо передъ ея глазами стояла картина, какъ вбѣжалъ въ ихъ домнинскія палаты запыхавшійся зять Деревнищенскаго старосты Сусанина, Богданъ Сабининъ и, бросившись ей въ ноги, объя-

Видъ чертоговъ Царя Михаила Ѳедоровича въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

вилъ, что въ Деревнищахъ уже появились близко польскіе и литовскіе люди, ищущіе смерти Михаила Ѳедоровича. Только заступничество Пресвятой Богородицы, да подвигъ Сусанина—чудомъ спасли ее съ сыномъ отъ неминуемой гибели. Живо представлялось ей зарево деревни Перевозъ, на той сторонѣ рѣки Корбы, когда она съ сыномъ уже мчались по большой дорогѣ въ Ипатьевскій монастырь. И теперь она ни на минуту не отпускала Михаила съ своихъ глазъ. Ее терзала мысль, что со дня на день можетъ прибыть посольство отъ Земскаго собора и взять у нея сына. А тамъ эти вѣчныя интриги и козни враждебныхъ партій и постоянная возможность измѣны со стороны „измалодушествовавшихся" московскихъ людей. Въ это время за стѣною въ монастырскомъ дворѣ послышались громкій говоръ и скрипъ на снѣгу многихъ шаговъ. Марѳа Ивановна быстро подошла къ окну, торопливо сняла деревянный брусъ и отворила деревянную затворку, запиравшую окно.

„Обращатая“ окончина, застекленная кусками слюды, покрытой рисунками травъ, давала возможность различить только необычайное движеніе и большое число незнакомыхъ фигуръ. Вотъ отъ нихъ отдѣлился отецъ архимандритъ Кириллъ и направился къ настоятельскимъ кельямъ. Вошедшій отецъ архимандритъ, благословивъ старицу, объявилъ ей что на противоположномъ берегу, въ селѣ Новоселкахъ остановилось прибывшее изъ Москвы великое посольство и спрашиваетъ ее, старицу, и боярина Михаила Ѳеодоровича, когда изволятъ принять ихъ, чтобы передать соборную грамоту. Первымъ движеніемъ Марѳы Ивановны было отказать

Памятникъ Сусанину въ Костромѣ.

въ пріемѣ; но мысль о великой чести ея сыну и пониманіе важности момента побороли первое движеніе, и она назначила пріемъ на завтрашній день.

* *
*

Всю ночь великое посольство провело въ хлопотахъ и совѣщаніяхъ съ костромскими властями. Ѳедоръ Ивано-

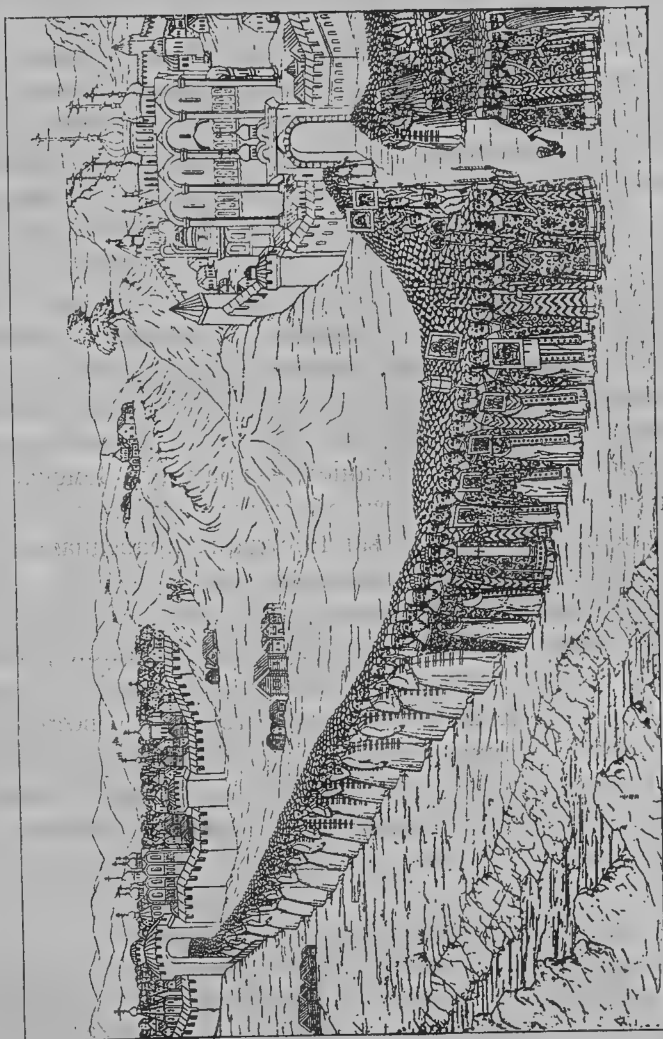
вичъ Шереметевъ, стоявшій во главѣ посольства, съ товарищами и архіепископомъ помѣстились въ господскомъ домѣ князей Глинскихъ, которымъ принадлежало тогда село Новоселки. Сюда къ нимъ „пріидоша градодержатели со множествомъ народа", и здѣсь они устанавливали порядокъ шествія. 14-го марта, въ воскресеніе 4-ой недѣли Великаго поста утромъ архіепископъ Ѳеодоритъ, облекшись со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ сверкающія ризы и установивъ вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳедоромъ Шереметевымъ „чины по достоянію" и „веземше честный крестъ и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы", „юже написалъ Петръ Митрополитъ", а также чтимый въ Москвѣ образъ великихъ „чудо-

Троицкій соборъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

творцевъ Петра, Алексѣя и Іоны", двинулись по замерзшей рѣкѣ къ Ипатьевскому монастырю. Въ это время при колокольномъ звонѣ, съ драгоцѣнными крестами и хоругвями, въ преднесеніи мѣстныхъ иконъ, показалась изъ воротъ города Костромы другая процессія—мѣстнаго духовенства и властей, сопровождаемыхъ множествомъ городскихъ жителей съ женами и дѣтьми. Двѣ процессіи слились на льду рѣки при устьѣ Костромы. Когда великое посольство приблизилось къ правому берегу рѣки Костромы, при колокольномъ звонѣ широко раскрылись Святыя ворота монастыря, и навстрѣчу посольству вышло монастырское духовенство съ архимандритомъ

и старцами, сопровождая инокиню Марѳу и юнаго Михаила Ѳедоровича [1]). Принявъ благословеніе отъ архіерея и „зна-

Кострома. Новоселки. Ипатьевскій монастырь.

---

[1]) На прилагаемомъ рисункѣ, заимствованномъ нами изъ книги „Объ избраніи на престолъ Михаила Ѳедоровича“, изданной Комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ въ 1856 году, и изображенъ этотъ моментъ. Въ серединѣ рисунка, на заднемъ планѣ село Новоселки; слѣва—городъ Кострома, обнесенный деревянною стѣною, съ соборомъ и нѣсколькими каменными церквами; справа—Ипатьевскій

меновавшеся къ чеснымъ иконамъ“ Михаилъ Ѳедоровичъ и старица Марѳа Ивановна вмѣстѣ съ архіепископомъ, освященнымъ соборомъ и „царскимъ синклитомъ“ вошли въ монастырь и прошли въ церковь „Святыя Живоначальныя Троицы“. Тутъ впередъ выступилъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и обратился съ рѣчью: „Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи, Ваши Государевы боляра, и окольничьи, и думные люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне, Московскіе, и приказные люди, и изъ городовъ дворяне, и жильцы, и головы стрѣлецкіе, и сотники, и гости, и отоманы, и казаки, и стрѣльцы, и всякіе служилые и торговые люди, и всѣхъ городовъ Московскаго Государства всякихъ чиновъ люди вамъ, Великому Государю, велѣли челомъ ударить и о вашемъ Государьскомъ здравіи спросить“. Освѣдомившись такимъ образомъ о здоровьи, послы поднесли Марѳѣ и Михаилу Ѳедоровичу „многомолебное писаніе“, — грамоту Земскаго собора,—и къ нимъ со словомъ обратился архіепископъ Ѳеодоритъ: „Великій благородный Государь, праведнаго и благочестиваго корени благоцвѣтущая отрасль, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ Всея Русіи. Вѣдомы Вамъ, Государю, настоящія скорби“. Тутъ въ длинной рѣчи архіепископъ обрисовалъ всѣ бѣдствія, учинившіяся „грѣхъ ради всего православнаго христіанства“. Но вотъ благодаря подвигу Трубецкого, Пожарскаго и Минина „царствующій градъ“ Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очистился, и церкви Божія въ прежнюю лѣпоту облеклися, и Божіе Имя славися въ нихъ попрежнему. А объ Московскомъ

монастырь съ соборомъ Святыя Троицы, обнесенный каменною оградою съ отворенными святыми воротами. На главномъ планѣ – изображеніе великаго посольства и встрѣча его Михаиломъ Ѳедоровичемъ. По рисунку великое посольство остановилось въ такомъ порядкѣ: впереди хоругви, потомъ діаконы съ рипидами и крестами, церковный фонарь, священники съ иконами—Божьей Матери Ѳеодоровской, Владимірской. Святыя Троицы, Спасителя и трехъ святителей московскихъ. Церковный ходъ заключается архіепископомъ рязанскимъ и муромскимъ Ѳеодоритомъ въ саккосѣ съ прочимъ присланнымъ изъ Москвы и Костромскимъ духовенствомъ. За духовными слѣдуютъ свѣтскія лица посольства: впереди—бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, далѣе князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ, дьякъ Андрей Вареевъ и прочіе выборные земскаго Совѣта.

Государствѣ пещися и людьми Божьими промышляти некому: Государя на Московскомъ Государствѣ нѣтъ и безъ Государя ни на малое время быти не мощно". Далѣе архіепископъ передалъ о созывѣ всеземскаго собора, о твердомъ рѣшеніи его „Государя обрати изъ московскихъ родовъ, а изъ иныхъ государствъ никого не избирати" и о слезномъ соборномъ моленіи въ Успенскомъ соборѣ 21 февраля, „чтобы Всемилостивый Богъ объявилъ кому быти на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго Царствія". И человѣколюбивый Богъ по смотрѣнію своему вложилъ въ сердца единомысліе, чтобъ обрати Государемъ Царемъ и великимъ княземъ всея Россіи Васъ, Государя Михаила Ѳедоровича. И Вамъ, Великому Государю Царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Россіи, митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и боляра, и окольничіе, и всякихъ чиновъ люди бьютъ челомъ всенароднаго и слезнаго рыданія не презрѣти и, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на Владимірскомъ и Московскомъ Государствѣ и на всѣхъ великихъ Государствахъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи быти. И ѣхати бы Вамъ, Великому Государю, на свой царскій престолъ къ Москвѣ и отъ всѣхъ находящихся бѣдъ и скорбей благородіемъ своимъ христіанскій родъ избавити. А какъ Вы, Государь, на своемъ Царскомъ Престолѣ, на Москвѣ будете польскіе и литовскіе люди и всѣ ваши Государевы недруги будутъ во устрашеніи". Послѣ архіепископа Ѳеодорита выступилъ съ рѣчью отъ лица свѣтскихъ властей опять бояринъ Шереметевъ. Подтвердивъ всенародное избраніе Михаила Ѳедоровича, онъ въ свою очередь просилъ его „итти къ Москвѣ, на свой царскій престолъ и своимъ царскимъ приказомъ всѣхъ людей обрадовать, а недруговъ устрашить". „А какъ вашъ Государевъ на Вашъ Царскій Престолъ въ царствующій градъ Москву подвигъ будетъ, и съ Москвы митрополитъ и архіепископъ и епископы, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и боляра, и всякія люди встрѣтятъ Васъ, Великаго Государя, со чудотворными иконами и со кресты по Вашему Царскому достоинству и служити Вамъ Великому Государю, и прямити, и головы своя за Васъ, Великаго Государя, вся люди, отъ мала и до велика, ради будутъ класти". Затѣмъ представители по-

сольства обратились съ тѣми же рѣчами къ инокинѣ Марѳѣ. Гнѣвомъ загорѣлись глаза старицы Марѳы, когда послы напомнили ей событія послѣ смерти Годунова, умышленно умалчивая объ участи семьи Годунова, и обѣщались „радостными душами служити и прямити безъ всякія хитрости".

„Не было у меня и у мово сына и въ мысляхъ, чтобы ему на такихъ великихъ, преславныхъ Государствахъ быти Государемъ. А Московскаго Государства всякихъ чиновъ люди, прежнимъ Государямъ не прямо служили. Какъ праведными судьбами Божьими, блаженныя памяти, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Іоанновича всея Россіи не стало, выбрали на Московское государство Царемъ и Великимъ Княземъ Бориса Ѳедоровича Годунова и крестъ ему цѣловали служити и прямити, и опричь его и дѣтей его на Московское Государство иного никого не хотѣти. А какъ послѣ смерти его Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи сынъ его Ѳедоръ Борисовичъ учинился, и ему, крестъ цѣловавъ, всякихъ чиновъ люди измѣнили, отъѣхали къ вору Гришкѣ ростригѣ Отрепьеву". Прервавъ на минуту свою рѣчь, она продолжала: „И послѣ этого вора выбрали на Государство Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича и, крестъ ему цѣловавъ, измѣнили и Царя Василія постригли, а постригши, его и братію его отдали въ Литву. И сыну моему, видя таковое прежнимъ Государямъ московскихъ людей крестопреступленіе, быти никакъ не можно". Какъ громомъ пораженные, стояли чины посольства. Горькая правда звучала въ этихъ гнѣвныхъ словахъ, идущихъ изъ уязвленнаго материнскаго сердца. Тогда архіепископъ сказалъ: „Благослови, Великая Государыня Марѳа Іоанновна, сына своего Великаго Государя на Московское Государство Царемъ и Великимъ Княземъ вся Россіи быти, не отрицайся благословить. Не его Государевымъ хотѣньемъ обрали его Государя на Московское Государство и на вся Государства Россійскаго Царствія, а по изволенію всемилостиваго Бога и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ; положилъ Господь Богъ объ обраніи его государьскомъ единомысленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ всего Россійскаго Государства. И ему Государю всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства

учнуть служити и прямити во всемъ“. Эти слова, дышащія глубокой вѣрой и чувствомъ правды, убѣдили въ искренности народнаго чувства, но слишкомъ много требовали отъ Мароы Ивановны, чтобы сердце не подсказало еще

Моленіе посольства.

другія соображенія. „Како быти моему сыну на Московскомъ Государствѣ Государемъ, когда прежнихъ великихъ Государей и древнихъ лѣтъ сокровища царскія литовскіе люди вывезли, а дворцовыя села и черныя волости и при-

городки и посады розданы въ помѣстья и запустошены, а всякіе служилые люди бѣдны, и ему, сыну моему, будучи на Московскомъ Государствѣ, всѣхъ служилыхъ людей жаловати и свои Государевы обиходы полнити и противъ недруговъ стояти чѣмъ будетъ? Да и выбрану сыну моему на Московскомъ Государствѣ быти Государемъ опасно; отецъ его Государевъ преосвященный митрополитъ Филаретъ Никитичъ Ростовскій и Ярославскій нынѣ въ Польшѣ, въ великомъ утѣсненіи, а свѣдаетъ то король польскій, что, по прошенію и челобитію всего Московскаго Государства, сынъ его на Московскомъ Государствѣ Государемъ учинился, и король тотчасъ велитъ надъ отцемъ его государевомъ какое зло учинить. Да и безъ благословенія отца своего на Московскомъ Государствѣ ему Государю никакъ не мочно". И никакіе новые доводы не могли поколебать ея рѣшимости. Такъ продолжалось „съ третьяго часа дни до девятаго". И видя, „яко не успѣша ничтоже и толикъ трудъ подъяша, желаемаго же не получиша", архіепископъ и другіе чины посольства подняли на руки чудотворныя иконы и, поднеся ихъ къ старицѣ, поклонились, а архіепископъ обратился съ грознымъ словомъ. „Виждь, благовѣрная великая Государыня Марѳа Ивановна и благородный Великій Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ,—говорилъ онъ,—виждь, что ради шествова съ нами толикъ путь Пречестная и чудотворная сія икона Богоматери и великихъ святителей. Сего ради чудотворнаго образа всѣхъ царицы Богоматери и великихъ ради святителей не мозите преслушати, но сотворите повелѣнное вамъ отъ Бога: воистину бо отъ Бога избрани есте; и не прогнѣвайте всѣхъ Владыку и Бога". Божественнымъ откровеніемъ звучали эти слова вдохновенной рѣчи святителя. Слезы на старческихъ лицахъ колѣнопреклоненнаго посольства и этотъ подвигъ многочтимыхъ святынь, неумолимо требовали такого же подвига со стороны старицы и, залившись слезами, она припала къ образу Пречистой. Затѣмъ, взявъ своего сына, она подвела его къ образу и громко произнесла: „Се тебѣ, о Богоматерь, Пресвятая Богородица, въ твои пречистыя руки, Владычица, чадо свое предаю и, яко же хощеши, устрой ему полезная и всему православному христіанству". „И многа же и ина предъ образомъ" молило материнское сердце, и слезы ея смѣша-

лись съ слезами радости и ликованія всѣхъ бывшихъ въ храмѣ. „И въ той часъ" благословилъ преосвященный Ѳеодоритъ новоизбраннаго царя, возложилъ на него животворящій крестъ и вручилъ ему царскій посохъ. Посольство возвело его на царское мѣсто, и весь храмъ наполнился возгласами многолѣтія. Царь жаловалъ всѣхъ къ своей царской рукѣ и соизволилъ сказать свое милостивое Государево слово, что походъ его Государевъ будетъ вскорѣ. „И нареченъ бысть Богомъ избранный благовѣрный Великій государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи Самодержецъ, въ церкви Пресвятыя Живоначальныя Троицы въ Ипацкомъ Монастырѣ въ лѣто 7121-го, марта въ 14".

* * *

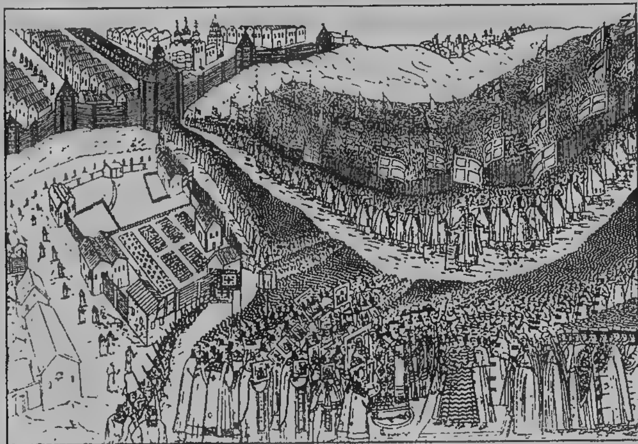
Три дня надъ Костромой стоялъ радостный звонъ, и во всѣхъ церквахъ пѣлись молебны. Радость и ликованіе свѣтились на всѣхъ лицахъ. Только теперь сталъ ясенъ великій подвигъ земскаго ополченія, очистившаго не только сердце Россіи—Москву, но и душу русскаго народа. Чистыя молитвы благодаренія Всевышняго подымались къ небу вмѣстѣ съ ѳиміамомъ кадильницъ, и радостное чувство сознанія нравственнаго очищенія и совершеннаго подвига поднимало каждаго въ собственномъ сознаніи. Кровь Сусанина была послѣднею каплею, пролитою русскимъ народомъ на алтарь искупленія и окончательно закрѣпила союзъ народа съ новоизбраннымъ Государемъ.

„И пребывъ на Костромѣ немноги дни и поиде къ царствующему граду".

ГЛАВА V.

Утромъ 2 мая 1613 года, въ третью недѣлю святыхъ женъ мѵроносицъ, медленно подвигалось къ Москвѣ торжественное шествіе новоизбраннаго царя и его матери. Возокъ Государя сопровождали близкія ему лица: родственники его, духовенство съ митрополитомъ Ефремомъ во главѣ, члены костромского посольства и другія лица, высланныя изъ Москвы къ нему навстрѣчу, и многіе выбор-

ные городовъ, испросившіе прежде разрѣшеніе видѣть Государя. Шествіе подвигалось медленно, такъ какъ большинство участниковъ шло пѣшкомъ, за недостаткомъ подводъ и лошадей. Яркій весенній день, зеленѣющія поля вливали радостное бодрящее чувство обновляющейся природы обновляющейся жизни.

Встрѣча Михаила Θеодоровича у Срѣтенскихъ воротъ въ Москвѣ.

Въ душѣ молодого Царя, уже успѣвшаго испытать всю тягость своего призванія, ощущеніе природы сливалось съ великимъ подъемомъ душевныхъ силъ. Видѣнное по пути всеобщее разореніе, безчисленныя челобитья, со слезами и вѣрою подносимыя къ его ногамъ, и этотъ ужасный видъ ограбленныхъ боярскихъ дѣтей, представшихъ ему передъ Троицкимъ монастыремъ, служили ему великимъ призывомъ къ великому дѣлу, и въ немъ подымалось всезаполняющее чувство—обнять и согрѣть свой народъ у своего сердца и отдать все, что у него есть и даже самого себя, чтобы возвеличить, обрадовать его и успокоить.

Вотъ показалась Москва. Загорѣлись на солнцѣ ея многочисленныя золотыя главы церквей; точно свѣча, теплился крестъ Ивана Великаго; раскинулись слободы; зачернѣло многочисленное войско, испросившее „ради заслугъ своихъ" позволеніе участвовать во встрѣчѣ; и потянулось

при колокольномъ звонѣ изъ Срѣтенскихъ воротъ навстрѣчу приближающемуся Царю московское духовенство, блестя фонарями, хоругвями, крестами и чудотворными иконами.

* * *

11 іюля 1613 года, въ воскресенье (въ память святой великомученицы Евфиміи), на разсвѣтѣ, по окончаніи ночныхъ часовъ, надъ Москвой разливался великій благовѣстъ. Гудѣлъ четырестапятьдесятпудовый „Медвѣдь“; за нимъ „Лебедь“; заливался старокорсунскій; и цѣлою гаммою вторили другіе переборные колокола; и среди этого аккорда созвучій мѣрно слышались тяжелые удары тысячепудоваго „Благовѣстника“. Великій благовѣстъ возвѣщалъ

Золотая палата.

на Москвѣ наступленіе давно жданнаго дня вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича на царство. Вскорѣ по разсвѣтѣ, во 2 часу дня, Государь вышелъ изъ постельныхъ хоромъ въ золотую подписную среднюю палату. Въ дверяхъ и въ сѣняхъ передъ золотою палатою толпились бояре, окольничіе и думные люди, богато одѣтые въ парчевое золотистое платье, въ низанныхъ нарядныхъ ожерельяхъ, въ золотыхъ цѣпяхъ и дорогихъ шапкахъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ взволнованъ и чрезвычайно серьезенъ. Царь сѣлъ на цар-

ское мѣсто. Пожаловавъ въ бояре стольниковъ князей Ивана Борисовича Черкасскаго и Дмитрія Михайловича Пожарскаго, Государь черезъ посольскаго дьяка Петра Третьякова назначилъ должности при совершеніи вѣнчанія боярамъ Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, князю Дмитрію Тимоѳеевичу Трубецкому и дядѣ своему Ивану Никитичу Романову.

Затѣмъ Государь отпустилъ за „царскимъ саномъ“ на казенный дворъ своего духовника, протопопа Благовѣщенскаго Собора Кирилла съ двумя дьяконами, въ сопровожденіи новопожалованнаго боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и двухъ думныхъ разрядныхъ дьяковъ, Сыдавнаго Васильева и Алексѣя Шапилова. Черезъ нѣкоторое время посланные возвратились въ золотую палату, неся царскія регаліи въ слѣдующемъ порядкѣ: крестъ, діадиму, вѣнецъ и цѣпь, положенные на золотомъ блюдѣ и покрытые драгоцѣнною пеленою, унизанною жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, несъ на поднятыхъ рукахъ, поддерживаемыхъ дьяконами, протопопъ; за нимъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій несъ царскій скипетръ; затѣмъ шествовали: Траханіотовъ съ „яблокомъ“, Сыдавный Васильевъ съ другимъ золотымъ блюдомъ, и въ заключеніе Алексѣй Шапиловъ несъ стоянецъ. Когда въ золотую палату вступилъ протопопъ Кириллъ, Михаилъ Ѳедоровичъ поднялся съ своего мѣста; снялъ шапку и передалъ ее въ руки своему дядѣ Ивану Никитичу Романову. Затѣмъ онъ приподнялъ пелену перваго блюда, и, приложившись къ кресту съ частицею Животворящаго Древа, отпустилъ шествіе въ Успенскій соборъ, назначивъ сопровождать его боярина Василія Петровича Морозова съ нѣсколькими дворянами. Усилившійся колокольный перезвонъ возвѣстилъ, что шествіе съ регаліями появилось на площади. Немного погодя въ золотую палату вошелъ бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ въ сопровожденіи Благовѣщенскаго протопопа Кирилла и, отдавъ земной поклонъ, объявилъ отъ имени митрополита Ефрема, что въ соборѣ все готово. Тогда среди молчанія медленно поднялся Михаилъ Ѳедоровичъ съ царскаго мѣста и, преисполненный благоговѣнія предъ величіемъ торжества, тихо и смиренно двинулся въ Успенскій соборъ. Передъ Государемъ шли боя-

ринъ Морозовъ, окольничіе и десять стольниковъ. Передъ самимъ Царемъ шествовалъ съ крестомъ протопопъ Кириллъ, окропляя святою водою царскій путь. По сторонамъ и сзади Царя шли окольничіе, стрѣлецкіе головы и всякихъ чиновъ люди. Пройдя боковымъ ходомъ Благовѣщенскаго Собора, царское шествіе папертью собора сошло на площадь, на которой былъ устроенъ деревянный „рундукъ". Внутренность Успенскаго собора предстала Михаилу Ѳедоровичу въ новомъ блескѣ. Посреди собора между двухъ заднихъ столбовъ было устроено возвышенное „великое чертожное мѣсто", спускавшееся къ алтарю двѣнадцатью ступенями. Все это мѣсто было обито краснымъ сукномъ, которое, спускаясь, было протянуто до Царскихъ вратъ. По обѣимъ сторонамъ были разставлены скамьи, предназначенныя для высшаго духовенства, покрытыя золотистыми персидскими коврами, бархатомъ, золотистымъ атласомъ и всевозможными сукнами. На самомъ „чертожномъ мѣстѣ" по правую руку высился „престолъ", украшенный драгоцѣнными каменьями, съ подножкой, также покрытой золотистымъ бархатомъ. Около него стоялъ стулъ съ золотистой бархатной подушкой для митрополита. По сукнамъ, устилавшимъ полъ, еще тянулись „пути"—полосы краснаго бархата. Близъ амвона были поставлены три налоя, покрытые драгоцѣнными пеленами, на которыхъ были разложены царскія регаліи. Косые лучи, падающіе сверху, то загорались, то потухали, то вновь загорались различными цвѣтами на драгоцѣнныхъ камняхъ. Михаилъ Ѳедоровичъ благоговѣйно склонился передъ чудотворными мощами, прося подкрѣпленія и праведнаго водительства. Приложившись къ иконамъ, Государь подошелъ къ митрополиту Ефрему, ожидавшему его на „чертожномъ мѣстѣ". Митрополитъ сошелъ со ступеней навстрѣчу Царю, благословилъ его крестомъ, окропилъ святою водою и спросилъ о здоровьѣ. Царь отвѣчалъ также вопросомъ о здоровьѣ и о спасеніи митрополита. Послѣ этого святитель сталъ на патріаршемъ мѣстѣ, за правымъ клиросомъ и, когда Михаилъ Ѳедоровичъ сталъ возлѣ него на царскомъ мѣстѣ, повелѣлъ начать молебенъ Живоначальной Троицѣ, Пресвятой Богородицѣ, московскимъ чудотворцамъ и преподобному Сергію. По совершеніи молебна митрополитъ,

благословивъ и окропивъ святою водою, возвелъ Царя на „чертожное мѣсто“ и сѣлъ подлѣ него. Послѣ минутнаго молчанія Царь обратился къ митрополиту съ просьбою „вѣнчать его царскимъ вѣнцомъ и діадимою, согласно всенародному своему избранію, по прежнему царскому чину и достоянію“. Митрополитъ Ефремъ отвѣтилъ рѣчью отъ лица

Вѣнчаніе Михаила Θедоровича на царство.

всего народа и духовенства и, подчеркнувъ особыя права Михаила Θедоровича на престолъ,—какъ избраннаго „всѣмъ народнымъ множествомъ людей всего великаго Русскаго Государства“ и какъ сродника Царя Θедора Іоанновича,—благословилъ его на царство отъ лица всего духовенства. Возложивъ на выю Государя Крестъ Животворящаго Древа, на рамена его священныя одѣянія, поднесенныя на золотыхъ блюдахъ митрополитомъ Кирилломъ, митрополитъ Ефремъ произнесъ молитву объ его благополучномъ царствованіи.

Также торжественно былъ возложенъ на главу Государя царскій вѣнецъ, и вложены были въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую держава. При этомъ первослужащій митрополитъ Ефремъ обратился къ Государю съ слѣдующими словами: „О благовѣнчанный Царь и Великій Князь всея Русіи Самодержецъ! Пріими отъ Бога данный тебѣ скипетръ, правити хоругви великаго Царства Россійскаго и блюди и храни его, елико твоя сила“. По принятіи скипетра Царь поклонился митрополиту, а всѣ высшія духовныя лица, восходя на „чертожное мѣсто“, благословляли Государя и сошедши творили ему по поклону. Архидіаконъ началъ большую ектенію. Вскорѣ весь храмъ наполнился возгласами многолѣтія, провозглашеннаго протодіакономъ съ амвона и подхваченнаго протоіереями, священниками и пѣвчими дьяками на обоихъ клиросахъ. Обрядъ Царскаго вѣнчанія, совершаемый до литургіи, закончился всеобщими поздравленіями Государя и молитвенною рѣчью митрополита. Послѣднія слова его: „да будетъ его Царствованіе многолѣтно и благополучно“ были подхвачены всѣмъ народомъ, восклицавшимъ: „будетъ и будетъ многолѣтно“. Во время литургіи, которую Царь слушалъ стоя въ полномъ „Царскомъ санѣ“, послѣ великаго выхода, на Государя была возложена у Царскихъ вратъ золотая цѣпь. Затѣмъ по причащеніи въ алтарѣ духовенства и отверзтіи Царскихъ вратъ, архидіаконъ и протодіаконъ, обогнувъ приготовленный Царскій путь, приблизились къ Государю, и архидіаконъ произнесъ: „Господи святый, благовѣнчанный Царю. Призываетъ тя преосвященный митрополитъ, отецъ твой, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, на помазаніе святаго и великаго мѵра и ко причастію святыхъ и животворящихъ божественныхъ Таинъ Христовыхъ. Гряди къ намъ, о Святомъ Дусѣ, съ миромъ“. Въ это время постельничій Константинъ Ивановичъ Михалковъ постлалъ передъ Царскими вратами новый коверъ и на всемъ „пути“ разостлалъ золотистые бархаты и камки. По постланному „пути“ Государь приблизился къ Царскимъ вратамъ и, ставъ на приготовленномъ мѣстѣ, снялъ съ себя корону и, поставивъ на блюдо, передалъ Ивану Никитичу Романову; скипетръ принялъ князь Дмитрій Ивановичъ Трубецкой; яблоко держалъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Митрополитъ стоялъ въ Царскихъ вратахъ, и, когда

архіепископъ и епископъ поднесли къ нему на золотомъ блюдѣ святое муро, онъ перекрестилъ его трижды своею рукою и помазалъ подошедшаго Царя. По муропомазаніи Государь былъ причащенъ Святыхъ Таинъ и, снова принявъ знаки Царскаго сана, возвратился на прежнее мѣсто. По

Встрѣча Михаила Ѳеодоровича съ митрополитомъ Филаретомъ.

окончаніи литургіи, принявъ отъ высшаго духовенства поздравленіе и просфору и пригласивъ все духовенство къ своему Царскому столу, Михаилъ Ѳеодоровичъ, сопровождаемый боярами, вышелъ изъ южныхъ дверей Успенскаго собора на рундукъ, устланный краснымъ сукномъ. При самомъ

выходѣ на рундукѣ, Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, въ качествѣ главнаго боярина, трижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами изъ мисы, которую держалъ Траханіотовъ. То же повторилось при выходѣ изъ Архангельскаго и затѣмъ изъ Благовѣщанскаго соборовъ. „Середнею лѣстницею поднялся Государь при громкихъ кликахъ народа въ свои чертоги“.

* * *

Прошло шесть лѣтъ. 14-го іюня въ пяти верстахъ отъ Москвы, за Тверскими воротами, при рѣчкѣ Прѣснѣ, по волоцкой дорогѣ произошло радостное свиданіе молодого Царя съ своимъ отцемъ, Филаретомъ Никитичемъ. Михаилъ Ѳедоровичъ поклонился ему до земли и послѣдній отвѣчалъ тѣмъ же Михаилу, какъ своему Государю. Сдерживаемое до сихъ поръ чувство требовало внѣшняго изліянія; сынъ и отецъ обливались слезами, радуясь свиданію и концу плѣна, взаимному счастью и новой совмѣстной великой дѣятельности и многому тому, что только неясно чувствовалось въ радостно трепетавшихъ сердцахъ. Окружающій народъ стоялъ полный благоговѣнія, хорошо сознавая, что это великое счастье вполнѣ заслужено молодымъ Царемъ.

Цѣна 20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Канцелярія Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.
Волхонка, 18.

Т-во Скоропеч. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ Москва